

На правах рукописи

Рахелех Зиаифаштами

РЕЧЕВЫЕ АКТЫ ПОБУЖДЕНИЙ В РУССКОМ И ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКАХ

(на материале русских художественных текстов и их переводов на персидский язык)

Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Казань – 2015

Работа выполнена на кафедре русского языка и методики преподавания федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор
Чернышева Алефтина Юрьевна

Официальные оппоненты – **Гизатова Гузель Казбековна**,
доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой иностранных языков
ФГОУВПО «Казанский государственный
аграрный университет»

Гилязутдинов Салим Мингазович, кандидат
филологических наук, старший научный
сотрудник ГБУ "Центр исламоведческих
исследований" Академии наук РТ

Ведущая организация – ФГБОУ ВПО «Казанский
национальный
исследовательский технический университет
им. А.Н.Туполева – КАИ»

Защита состоится «18» февраля 2015 года в 12 часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.05 при ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420021, г. Казань, ул. Татарстан, д.2.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И.Лобачевского ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420002, г. Казань, ул. Кремлевская, д.35.

Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»: [http// www. kpfu. ru](http://www.kpfu.ru)

Автореферат разослан «___» декабря 2014 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук,
доцент

И.В.Ерофеева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В последние десятилетия объектом изучения ряда дисциплин – лингвистики, психолингвистики, лингвокультурологии, социологии, межкультурной коммуникации, когнитивистики – стали национально-культурные особенности поведения представителей различных культур. Центром научных изысканий междисциплинарного характера является проблема взаимодействия языка и культуры.

Исследователи различных областей знаний о человеке утверждают, что язык, регулируясь этническими нормами, является главным средством выражения национальной культуры народа, его традиций и ценностей, в нем воплощено культурное своеобразие народа и национальное мировидение, вследствие чего сквозь призму языка просматриваются особенности национального характера, стереотипы поведения, этические и моральные установки [Арутюнова 1999; Карасик 2002; Шмелев 2004; Верещагин и Костомаров 2005; Зализняк 2006; Ларина 2009; Николаева 2008; Фаттахова 2012; Сиротинина 2013].

Интерес к проблеме взаимодействия языка и культуры сопровождается вниманием к категории вежливости, которая понимается как «система коммуникативных стратегий и тактик, используемых в реальном общении и нацеленных на бесконфликтную коммуникацию и взаимопонимание» [Ларина 2009].

Своеобразное проявление категории вежливости представляет собой вежливость дистанцирования, которая изучается на примере употребления разного рода побуждений (просьб, приказов, советов и т.п.).

При исследовании конкретных видов побуждения ученые опираются на понятия речевого акта, речевого жанра и рече-поведенческих тактик. В данной работе мы используем понятие речевого акта.

Речевые акты отражают определенные коммуникативные ценности. Существуют общекультурные коммуникативные ценности – правила поведения, свойственные всем национально-культурным общностям, и коммуникативные ценности, характерные для той или иной национальной культуры. Например, А. Вежбицкая, говоря о нормах этикета, отмечает, что в английской коммуникации ограничения на употребление императивной конструкции касаются любого стиля общения. Она объясняет это тем, что каждый человек имеет право на свое мнение и если он хочет выразить его, то это является нормальным; если же он хочет повлиять на поведение других людей, то следует иметь в виду, что у них могут быть свои собственные чувства, желания и мнения, не совпадающие с мнением собеседника [Wierzbicka 1991].

Нарушение права личной автономии путем использования чистого императива, по А.Вежбицкой, является более оскорбительным, чем сквернословие и употребление инвективной лексики.

Развивая эту тему, Т.В.Ларина считает, что стратегии вежливости дистанцирования направлены на уменьшение воздействия на адресата и демонстрацию уважения к его личной независимости, что привело к формированию доминантных черт английской коммуникации – коммуникативной неприкосновенности и неимпозитивности, то есть недопустимости прямого воздействия на собеседника. Для русской культуры, напротив, по Т.В.Лариной, характерна импозитивность – допустимость оказания прямого воздействия на собеседника, проявляющаяся в более частом употреблении импозитивных речевых актов [Ларина 2009].

Существуют национально-культурные особенности императивных конструкций и в персидском языке, хотя между русской и иранской культурами много общего.

Национально-культурные особенности императивных высказываний обуславливают сложности их перевода на другие языки. Такие трудности неизбежны и при переводе императивных высказываний с русского языка на персидский.

Адекватный перевод с одного языка на другой вообще труден. А.Вежицкая справедливо замечает, что культуроспецифичность семантических систем различных языков – причина того, что даже наличие лексических универсалий не приводит к абсолютной эквивалентности в языковом употреблении и что многие конструкции не могут быть переведены с одного языка на другой без потери смысла [Вежицкая 1999].

Особую сложность при переводе составляют императивные высказывания с субъективно-модальными частицами в силу особенностей индивидуальных лексических значений последних в русском языке, ибо семантика частиц, вступая во взаимодействие с иллокутивной функцией высказываний, модифицирует ее, что обуславливает специфичность иллокутивной функции императивных высказываний в том и другом языке.

Проблема перевода тесно связана с проблемой лакуарности. Под лакуарностью понимается отсутствие у слова языка А однословного соответствия в языке Б. Составляющие лакуарности – это лакуарная единица языка и лакуна как нулевой коррелят лакуарной единицы. Лакуарная единица некоторыми рассматривается как безэквивалентная единица, однако по Л.К.Байрамовой, лакуарная единица и безэквивалентная единица не являются полными синонимами, так как единица того или иного языка может быть лакуарной, коррелируя с лакуной, и вместе с тем может иметь в этом языке эквивалент [Байрамова 2006].

Объектом исследования являются реквестивы (просьбы, приглашения, советы) и директивы (требования, приказы) в русских художественных текстах и их переводах на персидский язык.

Предмет исследования – лингвокультурологические особенности реквестивов (просьб, приглашений, советов) и директивов (требований, приказов) в русских художественных текстах и их переводах на персидский язык.

Актуальность диссертационного исследования обусловлена возрастающим интересом лингвистов к проблеме языка и культуры, расширением международных контактов, требующих адекватной интерпретации коммуникативного поведения, отражающего национально-культурные коммуникативные ценности.

В связи с вышесказанным особенно актуально изучение категории вежливости дистанцирования, исследуемой на примере употребления речевых актов побуждений в разных языках, в частности русском и персидском, и таких важных семантических свойств, образующих смысловой универсум русского языка, как случаи неагентивности и средства выражения эмоциональности.

Межъязыковое сопоставление актуально и потому, что на фоне другой культуры (в данном случае иранской) ярко обнаруживаются национально-культурные особенности русского языка и культуры.

Источниковедческой базой стала картотека, составленная методом сплошной выборки из произведений русской художественной литературы XIX и XX веков.

Материалом для сопоставления явились произведения выдающихся русских писателей: Л. Н. Андреева, М.А.Булгакова, А. И. Куприна, Н.С.Лескова, А.Н.Островского и их персидские переводы.

Цель работы заключается в выявлении специфических особенностей русских речевых актов побуждений на фоне персидских аналогов на материале оригинальных художественных текстов и их переводов.

Исходя из указанной цели, были поставлены следующие задачи:

- 1) проанализировать степень изученности императива в современном русском и персидском языках;
- 2) найти речевые акты побуждений в русских художественных текстах XIX и XX века и их переводах на персидский язык;
- 3) дифференцировать речевые акты побуждений на реквестивы (просьбу, приглашение, совет) и директивы (требование, приказ);
- 4) определить особенности перевода волюнтивного инфинитива на персидский язык;
- 5) выяснить специфику перевода эмоциональных номинаций-обращений в речевых актах побуждений на персидский язык;
- 6) установить характер эквивалентности русских субъективно-модальных частиц в речевых актах побуждений их переводам на персидский язык.

Методы исследования определены поставленной целью, задачами и носят комплексный характер. В работе использовались описательный метод и такие его

приемы, как наблюдение, обобщение и классификация сопоставляемого материала; метод сопоставительно-переводческого анализа (сопоставление исходного текста и текста перевода); метод контекстуальной интерпретации.

В качестве языкового материала сопоставления оригинала и перевода служил один и тот же русский текст и тексты персидского перевода.

Теоретической базой диссертации послужили научно-теоретические положения, разработанные в трудах таких ученых, как Х.Анвар, Н.Д.Арутюнова, Л.К.Байрамова, Э.А.Балалыкина, М.М. Бахтин, А. В. Бондарко, А.Вежбицкая, Е.М.Верещагин, В.В.Виноградов, Х.Гиви, Г.А.Золотова, В.Г.Костомаров, И.М. Кобозева, Т.В.Ларина, К.Лотфипур Саэди, М.Р.Мохаммади, Дж.Остин, Ю.А. Рубинчик, К.Сафави, Дж.Р.Серль, О.Б.Сиротинина, А.Шафаи, Х.Фаршидвард, Н.П. Ханлари, М.А.Эслами и нек. др.

Научная новизна данной работы заключается в том, что в ней впервые рассмотрены культурные и лингвистические особенности побудительных речевых актов в русском языке в сопоставлении с персидским на материале оригинал-перевод.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что ее выводы могут представлять определенный интерес для дальнейшего развития принципов типологического исследования побудительных речевых актов разноструктурных языков (русского и персидского) с учетом контрастивного подхода. Теоретическая значимость определяется и лингвокультурологическим аспектом подобного исследования.

Практическая ценность диссертации заключается в том, что её результаты и материалы могут быть использованы в спецкурсах по лингвокультурологии и антропологической лингвистике, при написании учебно-методических пособий по практике устной и письменной речи русского и персидского языков, в практике преподавания русского языка как иностранного и перевода с русского языка на персидский и с персидского языка на русский.

Положения, выносимые на защиту:

1. Несмотря на то, что языковая реализация речевых актов побуждений в русском и персидском языках имеет ряд черт принципиального сходства, тем не менее в способах (как ядерных, так и периферийных) их языковой презентации имеются значительные различия. В русском и персидском языках речевые акты побуждений выражаются, прежде всего, морфологическими средствами. Ядро функционально-семантического поля побудительности составляет категория повелительного наклонения глагола 2 лица. На периферии поля побудительности в русском языке используются инфинитив, сослагательное и изъявительное наклонения, выступающие в значении повелительного; в персидском – формы

индикатива и формы аориста¹ (настояще-будущего времени сослагательного наклонения). В русском и персидском языках речевые акты побуждений выражаются также лексическими и синтаксическими средствами (перформативная формула, вопросительные конструкции, неполные предложения), являющимися периферией функционально-семантического поля побудительности.

2. Речевые акты побуждений в русском и персидском языках характеризуются национально-культурными особенностями: в русском языке – неагентивностью, выражаемой волюнтивным инфинитивом, и специфическими средствами выражения эмоциональности, в персидском языке – нетипичностью такого явления, как неагентивность, а также иными средствами выражения эмоциональности, а именно большей ориентированностью на конситуацию.

3. Эмоциональность побудительных речевых актов в русском языке создают соответственно окрашенные номинации-обращения: существительные с ласкательно-уменьшительными суффиксами (*Сереженька, папочка*), существительные и прилагательные, эмоциональность которых выражается их лексическим значением (*голубчик, милый*), а также субъективно-модальные частицы (*-ка, ну, же*), выражающие разнообразные эмоциональные реакции. В персидском языке употребление ласкательных диминутивов личных и нарицательных имен не принято, хотя в текстах переводов диминутивы личных имен передаются буквально, то есть без изменения формы как иноязычные вкрапления.

Четко не дифференцированы (или отсутствуют) в персидском языке показатели тех эмоциональных реакций, которые в русском языке выражают частицы *-ка, ну, же*; на персидский язык эти частицы или не переводятся, или в переводах имеют неполные эквиваленты – слова с «усилительной» семантикой (*بينم [bebinam]*², *دیگر [digar]*, *خوب [xob]*, *پس [pas]*).

4. Семантика субъективно-модальных частиц в русском языке модифицирует иллюкутивную функцию императивных высказываний, осложняя ее значениями увещевания, настоятельности, напоминания и др., что приводит к неполному соответствию речевых актов побуждений в текстах русского оригинала и его персидского перевода.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационной работы были представлены в виде докладов и сообщений на Международной научно-практической конференции «Русская и сопоставительная паремиология в Татарстане: истоки развития» (Казань, 2013), XIX Международной научно-практической конференции, посвященной проблемам общественных и гуманитарных наук (Москва, 2014), Региональной научно-практической

¹ В настоящей работе используется дефиниция термина аорист, принятая в иранистике, т.е. настояще-будущее время сослагательного наклонения. См. работы [Шафай 1972; Рубинчик 2001; Алиари 2006; Хосейни 2007; Алиари и Мохаммади 2014]. Не следует смешивать значение термина аорист, используемое в исторических исследованиях по русистике, где аорист – это форма прошедшего времени, означающая непродолжительное действие, целиком отнесенное к прошлому.

² После персидского текста здесь и далее в квадратных скобках даётся его транскрипция.

конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры «Русский язык и славянский мир» (Казань, 2014); Всероссийской научно-практической конференции «Сопоставительная филология и полилингвизм» (Казань, 2014), на итоговых конференциях профессорско-преподавательского состава Казанского государственного университета (Казань, 2012, 2013, 2014). Промежуточные исследования отражены в 7 публикациях, 3 из которых опубликованы в изданиях, включенных в утвержденный ВАК РФ перечень ведущих рецензируемых научных журналов.

Объем и структура работы. Исследование состоит из введения, трех глав, заключения (объем текста 161 страница), списка источников исследования, лексикографических источников и списка использованной литературы (166 наименований).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность избранной темы, определяются цель и задачи, дается характеристика материала и методов исследования, отмечается научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, формулируются положения, выносимые на защиту.

В **первой главе «Проблемы изучения побуждения в лингвистической литературе»** рассматривается парадигма императива, его функциональное назначение и семантика, способы выражения побуждения, побудительная конструкция как дискурсивное явление.

Русский императив изучался многими учеными в разных направлениях (см., например [Храковский, Володин 1986; Бирюлин, Храковский 1990; Бирюлин, Храковский 2004; Гусев 2005; Хариева 2011; В.Е.Иосифова 2012; А.В.Бондарко 2013].

Например, В.С.Храковский и А.П.Володин исследуют семантику императива в типологическом аспекте, рассматривая императивные формы в большом количестве языков на основании одних и тех же принципов [Храковский, Володин 1986], В.Ю.Гусев изучает типологию специализированных форм императива (нерегулярные и супплетивные императивы, особые императивные местоимения и др.) [Гусев 2005]; Д.С.Хариева анализирует средства выражения императивной семантики в современном русском языке в коммуникативно-функциональном аспекте [Хариева 2011]; В.Е.Иосифова изучает императив как сложную совокупность аспектов языка и речи [Иосифова 2012]; А.В. Бондарко описывает функционально-семантическое поле императивности [Бондарко 2013].

Существует несколько точек зрения относительно строения и состава императивной парадигмы. Вслед за Русской грамматикой 2005 года мы считаем, что в императивную парадигму входят личные формы 2 лица единственного и множественного числа и форма 1 лица множественного числа (форма совместного

действия), которая может совпадать с формой 1 лица настоящего и будущего времени.

Форма 3 лица у повелительного наклонения отсутствует. Чтобы побудить к действию лицо, о котором говорят, в русском языке используется форма настоящего (простого будущего) времени в сочетании с частицами *пусть, давайте, да*.

Функциональное назначение императива проявляется в том, что императив (в отличие от других глагольных форм) является формой глагола, которая выполняет призывную функцию [Храковский, Володин 1986].

Семантика императива определяется как сложная. Принято считать, что в содержательном плане формы императива отражают референтную ситуацию апеллятивного общения, которая включает говорящего и адресата; при этом формы императива обозначают волеизъявление говорящего, касающееся выполнения / невыполнения действия [Храковский, Володин 1986].

В лингвистической литературе рассматриваются и другие средства выражения волеизъявления. Так, в Русской грамматике 2005 года выделяются также формы побудительного синтаксического наклонения, помимо которых, как здесь говорится, волеизъявление может быть выражено и средствами императивной интонации, сопровождающей самые разнообразные высказывания: *Сюда, Быстрее* и др. Поэтому при изучении побуждения встала необходимость рассмотрения взаимодействия разноуровневых языковых средств, то есть обращения к понятию функционально-семантического поля [Бондарко 1987]. Функциональная грамматика, как отмечает А.В.Бондарко, в единой системе интегрирует те языковые средства, которые в уровневой грамматике оказываются разделенными [Бондарко 2011].

По А.В.Бондарко, функционально-семантические поля представляют собой системы языковых средств (морфологических, лексических, лексико-грамматических, синтаксических), которые взаимодействуют при выражении вариантов семантической категории.

Категория побуждения с точки зрения функционально-семантического поля рассмотрена в диссертационной работе Ф. Назари «Способы выражения побуждения в современном русском языке» [Назари 2012].

Ф. Назарив системно-комплексном плане рассматривает морфологические, синтаксические и лексические способы выражения императивной семантики. В центре работы Ф.Назари функционально-семантическое поле побудительности с его грамматическим центром – повелительным наклонением глагола – в русском языке на фоне соответствующего поля в персидском языке.

С точки зрения Ф.Назари, ближайшая периферия поля побудительности в русском языке представлена формами инфинитива, сослагательного и изъявительного наклонений, выступающих в значении повелительного.

В персидском языке, как подчеркивает этот исследователь, ближайшей периферией функционально-семантического поля побудительности являются формы индикатива и сослагательного наклонений.

Императив изучается и лингвистами-фарсистами (см., например, Эслами 1969; Анвари, Гиви 1991; Ханлари 1998; Фаршидвард 2003; Вахидиян Камяр 2007). Персидские грамматики утверждают, что персидский язык – это язык аналитический с флективными элементами, что в персидском языке в отличие от русского формы повелительного наклонения образуются при помощи префикса.

Специалист по персидскому языку Ю.А. Рубинчик считает, что в персидском языке повелительное наклонение употребляется во 2 лице единственного и множественного числа, причем, образуется так же, как форма аориста, от основы настоящего времени и приставки be [be].

Он также отмечает, что в единственном числе личное окончание – *и* не прибавляется: بکن [bokon] – انجام بده [anjām bede] < *делай*, بکنید [bokonid] – انجام بدهید [anjām bedahid] < *делайте*.

Ю.А. Рубинчик подчеркивает, что для выражения побуждения к действию, адресованному к тому, о ком говорят, в персидском языке так же, как и в русском, используются частицы: بیا [biyā] < *давай*, بیایید [biyāid] < *давайте*, بگذار [bogzār], بگذارید [bogzārid]; اجازه بده [ejāzebede], اجازه بدهید [ejāzebedahid] < *пусть, нускай* [Рубинчик 2001].

Ценными для нас являются наблюдения лингвистов-фарсистов относительно использования глагольных форм аориста, поскольку в персидском языке они часто выражают побуждение (см., например, Шафаи 1972; Рубинчик 2001; Алияри 2006; Хосейни 2007; Алияри и Мохаммади 2014).

С точки зрения этих исследователей, в императивных высказываниях глагольная форма аориста употребляется в ряде случаев, например, аористом является глагольная форма 1 лица множественного числа – форма совместного действия (*поедем в город*), глагольная форма 3 лица (*пусть он придет*).

В последнее время разные виды побуждения активно изучаются в аспекте дискурсивных явлений: речевых актов, речевых жанров и рече-поведенческих тактик. В.С.Храковский и А.П. Володин подчеркивают, что в каждом конкретном речевом акте волеизъявление оценивается говорящим и адресатом либо как просьба, либо как приказ, либо как совет и т.п. [Храковский, Володин 1986]. Такого понимания императива придерживаются, например, В.Ю Гусев [Гусев 2005], В.Е.Иосифова [Иосифова 2012].

В.Е.Иосифова считает, что императив – это языковая категория, которая сочетает абстрактность и конкретность, форму и содержание, воспроизводимость и индивидуальность, представляя собой таким образом сложную совокупность аспектов языка и речи. Само побуждение понимается ей, как речевая реализация императива, содержательная сторона императивной формы, тот или иной конкретный

вид побуждения – просьба, совет, предложение, приказ, предостережение и т.п. [Иосифова 2012].

Мы в своей работе при изучении императивных высказываний также рассматриваем их как дискурсивное явление, причем, опираемся на понятие речевой акт, который вслед за Н.Д. Арутюновой понимаем как «целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилам речевого поведения, принятыми в данном обществе» [Арутюнова 1990].

В русском и персидском общении речевые акты побуждений передаются прямо и косвенно. Косвенные речевые акты характеризуются расхождением формы (синтаксического и графического оформления) и коммуникативной направленности. Данные речевые акты могут быть: (1) конвенциональными и (2) неконвенциональными. Конвенциональные речевые акты являются типизированными, устоявшимися в употреблении носителей, то есть общепринятыми; неконвенциональные речевые акты не имеют узуально закреплённого за ними значения и в большей степени связаны с контекстом.

Речевые акты побуждений в русском и персидском языках интересны для изучения культурных аспектов дискурса. Доминантные черты русской коммуникации в преломлении к речевым актам побуждений отметила Т.В.Ларина. Исследуя русскую и английскую коммуникацию, она отмечает, что русской коммуникации, в отличие от английской, свойственна импозитивность, то есть допустимость прямого воздействия на адресата путем использования императива. Прямое воздействие на собеседника в большинстве случаев не является нарушением норм общения. Кроме того, этот ученый выделяет такие черты русского стиля коммуникации, как прямолинейность, однозначность, категоричность, приоритетность содержания, ориентированность на самого говорящего [Ларина 2009].

Импозитивность русской коммуникации приводит к широкому использованию форм повелительного наклонения, то есть прямой передаче побуждений, тогда как в английской коммуникации при выражении побуждения распространены косвенные высказывания.

Наши наблюдения показывают, что в персидской коммуникации, как и в русской, прямые речевые акты побуждений также широко употребляются.

Национально-культурная специфика речевых актов побуждений в русской коммуникации проявляется и в особенностях использования волюнтивного инфинитива, а также в средствах выражения эмоциональности, сопровождающей многие побудительные речевые акты, содержащие эмоционально окрашенные номинации-обращения и субъективно-модальные частицы.

Во второй главе **«Реквестивы и директивы в русских художественных текстах и их переводах на персидский язык»** сопоставляются русские речевые акты побуждений с их персидскими эквивалентами.

Побудительные речевые акты делятся на две группы – реквестивы (просьбы, приглашения, советы) и директивы. Т.В.Ларина выделяет недирективные и директивные речевые акты на основе наличия /отсутствия прагматической опции. К директивным речевым актам Т.В.Ларина относит акты, которые описывают действие адресата в интересах адресанта (иногда и в интересах адресата), а к недирективным речевым актам этот ученый относит акты, которые описывают действие адресата, необязательное для выполнения [Ларина 2009].

Мы в своем исследовании к реквестивам также относим речевые акты, при которых говорящий предлагает адресату выбор, совершать действие или не совершать, а к директивам – речевые акты, при которых говорящий вынуждает адресата совершить действие.

Речевой акт просьбы описывался многими учеными (см. например [Гловинская 1993; Вежицкая 1997; Формановская 1998; Золотова, Онипенко, Сидорова 1998; Безяева 1998; Ярмаркина 2001; Прибыток 2005; Ларина 2009; Назари 2012]).

По мнению Е.М.Вольф, просьба предполагает, что действие имеет знак «+» для говорящего; это значит, что модальный субъект является одновременно и субъектом пользы. Комментируя предложение *Я прошу его прийти*, этот ученый так определяет выгоду адресанта: «с моей точки зрения, если он придет, будет хорошо для меня» [Вольф 2006].

Как показывают исследования ученых и наши наблюдения, основным способом выражения просьбы в русской и персидской коммуникации является повелительная форма глагола.

По свидетельству Т.В.Лариной, в русском языке *Сделай (те) это, пожалуйста* является нейтральным, немаркированным способом выражения просьбы [Ларина 2009].

Следует отметить, что маркер вежливости *пожалуйста* является факультативным элементом данной модели. В определенных коммуникативных условиях речевой акт воспринимается как просьба и без соответствующего маркера вежливости. Большую роль в понимании речевого акта как просьбы играет конситуация, в частности фактор адресата, как в следующем примере, где говорящий обращается к Богу, Которого можно только просить или молить:

Боже, оставь жизнь моему сыну (Андреев Л.Н.) – خدايا، زندگی پسر مرا حفظ کن [xodāyā, zendegiye pesare marā hefz kon] (А. Голкар).

На речевой акт просьбы могут указывать слова автора, вводящие прямую речь:

– Дедушка, скажите откровенно, – попросила Анна, – скажите, испытывали вы страх во время сражений? (Куприн. А. И.) – بابابزرگ، راستش را بگو، بگو ببینم، توی – آنا پرسید: - بابابزرگ، راستش را بگو، بگو ببینم، توی جنگهایی که شرکت داشتی، هیچ شده تا به حال احساس ترس بکنی؟ [ānnā porsid: bābābozorg, rāsteš rā begu, begu bebinam, tuye janghāi ke šerkat dāšti, hič šode tā be hāl ehsāse tars bokoni] (X. Аташбараб).

Для выражения просьбы в императивных высказываниях широко используется и перформатив: в русском языке *прошу*, в персидском خواهش می کنم [xāheš mikonam].

В русском языке, отмечает Т.В.Ларина, со ссылкой на А.Зализняк, форма *прошу* ставит говорящего не выше собеседника (как это имеет место в английской коммуникации), а ниже [Ларина 2009]. Прагматические особенности этой формы смягчают побуждение, поскольку нижестоящий по статусному положению не может быть чрезмерно категоричным.

В речевом акте, оформленном с помощью перформатива, возможна повелительная форма глагола:

Боже, я прошу тебя, оставь жизнь моему сыну (Андреев Л.Н.) – خدايا، من از تو [xodāyā, man az to xāheš mikonam zendegiye pesare marā hefz kon] (А. Голкар).

В русской просьбе перформатив может сочетаться с объектным инфинитивом:

– Иван Арнольдович, покорнейше прошу пива Шарикову не предлагать (Булгаков М. А.) – ایوان آرنولدوویچ، استدعا می کنم مراقب زیاده روی شاریکوف باشید [ivān arnoldovič ?sted?ā mikonam morāqebe ziyāderaviye šārikof bāšid] (А. Голкар).

В данном персидском переводе вместо инфинитива, выполняющего функцию дополнения, используется глагольная форма аориста (настояще-будущего времени сослагательного наклонения).

В качестве объекта при перформативе *прошу* может выступать имя существительное:

Не о милосердии я тебя прошу, не о жалости, нет – только о справедливости (Андреев Л.Н.).

Перевод адекватен:

من از تو درخواست رحم و بخشش ندارم، نه، فقط درخواست عدالت... تو بهتر از من درک می کنی. [man az to darxāste rahm va bašeš nadāram, na, faqat darxāste ?edālat ... to behtar az man dark mikoni] (А.Голкар).

Разновидностью речевого акта просьбы является просьба разрешить совершить действие. В выражении этого речевого акта может принимать участие субъективно-модальная частица *дай*, выражающая волевою направленность, волеизъявление: просьбу дать возможность сделать что-нибудь, решимость [Русская грамматика 2005]:

Ноздрев. <...>Дай я тебя расцелую за это! (Булгаков М. А.) – بگذار به خاطر همین [bogzār bexātere hamin bebusamat] (А. Голкар).

Субъективно-модальной частице *дай* в персидском языке соответствуют частицы بگذار [bogzār], بگذارید [bogzārid]; اجازه بده [ejāze bede], اجازه بدهید [ejāze bedahid]< пусть, пускай.

В русском языке речевой акт просьбы разрешить совершить действие выражается также при помощи глагольной формы *позволь (те)* и *инфинитива*:

Позволь мне это тебе сказать по дружбе (Булгаков М. А.) – بگذار در عالم دوستی بگویم [bogzār dar ?ālame dusti beguyam] (А. Голкар).

На персидский язык сочетание *позволь (те)* + *инфинитив* переводится глагольной формой повелительного наклонения и формой аориста.

Речевой акт приглашения предполагает тот или иной поступок в интересах адресата или в интересах обоих участников коммуникативного акта [Ларина 2009]. Т.В.Ларина считает, что между английскими и русскими приглашениями имеются различия. Для нас это мнение интересно тем, что оно перекликается с нашими наблюдениями, касающимися импозитивности русского языка.

В русском коммуникативном взаимодействии наиболее типичны императивные, то есть прямые, приглашения, причем, даже не в виде вопроса. Так, если в английской коммуникации говорят: *Would you like to dance?* (*Ты бы хотела потанцевать?*), то в русской коммуникации – *Давай потанцуем* [Ларина 2009].

Т.В.Ларина подчеркивает, что русское приглашение является прямым, субъектно-ориентированным, категоричным, импозитивным, в то время как английское приглашение – косвенным, объектно-ориентированным, неимпозитивным [Ларина 2009].

Речевые формулы русских приглашений – *садитесь, пойдёмте, проходите, приходите* и т.п., хотя используется и перформатив *приглашаю*.

Приглашение могут создавать формы 2 лица единственного и множественного числа, которые обозначают побуждение, относящееся к двум или более лицам, то есть к собеседнику. Это побуждения эксклюзивного действия:

Чичиков. Пожалуйста, проходите (Булгаков М. А.) – لطفا بفرمایید [lotfan befarmāid] (А. Голкар).

Однако в русском языке приглашение могут создавать и формы совместного действия – формы множественного числа 1 лица повелительного наклонения, которые обозначают побуждение, относящееся к двум или более лицам, то есть к собеседнику и к самому говорящему. Это так называемые побуждения инклюзивного действия.

Формы совместного действия наиболее характерны для речевых актов приглашения. На это указывает замечание Русской грамматики по поводу того, что формы совместного действия не выражают категорическое побуждение, а выражают именно приглашение [Русская грамматика 2005].

О том, что в русском языке имеется большое количество побуждений со значением совместного действия, пишет и Т.В.Ларина [Ларина 2009].

В персидских переводных текстах также представлены императивные конструкции со значением совместного действия, где глагольной форме повелительного наклонения соответствует аорист:

Поедем ко мне, пять верст всего (Булгаков М.А.) – سابکویچ را بفرست به جهنم! بیا پیش [sābākovīč rā befrest be jahannam! biyā piše man] (А. Голкар).

Побуждение с большей определенностью выражается формами и сочетаниями с частицей *давай* (*te*), и в этом случае значение приглашения к совместному действию преобладает: *давайте веселиться, давай(те) поедем(те)* [Русская грамматика 2005]:

Давайте играть во что-нибудь (А. Н. Островский) – [biyāyin ye čizi bāzi konim] (А. Эззати).

Возможны речевые акты с выражениями *милости прошу* и *милости просим*, которые толковые словари описывают как вежливое приглашение. Например:

Губернатор. Весьма рад познакомиться. **Милости прошу садиться** (Булгаков М.А.) – خواهش می کنم بفرمایید بنشینید [xāheš mikonam befarmāid benšinid] (А.Голкар).

В персидском языке выражениям *милости прошу* и *милости просим* не имеют точных эквивалентов: на персидский язык они переводятся как вежливая глагольная форма *прошу* или *просим*. Инфинитиву при этих глагольных формах соответствует аорист.

Речевой акт совета – это побудительный речевой акт, который предполагает действие адресата в его собственных интересах [Беляева-Станден 2004; Ларина 2009].

Е.М.Вольф, анализируя совет, пишет, что, в отличие от просьбы, совет оценивает событие знаком «+» для адресата как для субъекта «пользы», но с точки зрения модального субъекта, от которого исходит совет. По мнению Е.М.Вольф, высказывание *Я советую ему прийти* следует интерпретировать как «с моей точки зрения, если он придет, это хорошо для него». По Е.М.Вольф, в этом случае субъект «пользы» и модальный субъект не совпадают [Вольф 2006].

В русском языке и в персидских переводах стандартной формой выражения речевого акта совета является глагольная форма повелительного наклонения:

Жена. **Жуй получше**, ты подавишься! (Андреев Л.Н.) – بهتر بجو [behtar bejo] (А. Голкар).

Другим формальным показателем иллокутивной силы совета является перформатив *советую*:

Я вам советую лечиться у профессора Россолимо <...> (Булгаков М.А.).

В данном случае в персидском переводе вместо инфинитива используется аорист:

من هم به شما پیشنهاد می کنم برای معالجه پیش پروفیسور روسولیمو بروید [man ham be šomā pišnāhād mikonam barāye moaleje piše profesoe rosolimo beravid] (П. Мотамед).

Заклячая анализ реквестивов, отметим, что в обоих языках они могут выражать побуждения косвенно. Выделяются следующие виды косвенных высказываний, переводимые и на персидский язык:

1) высказывания, содержащие слова со значением долженствования (*нужно, надо, должен*):

Напрасно брат так беспокоится: **нужно быть тверже и смотреть на вещи спокойнее** (Андреев Л.Н.) – باید قویتر باشد و راحت تر به مسائل نگاه کند [bāyad qavitar bāšad va rāhattar be masāʔel negāh konad] (А. Голкар);

2) косвенные вопросы:

Не можешь ли ты мне, любезный, принести рюмку коньяку? (Андреев Л.Н.) – نمی توانی یک گیلان کنیاک برای من بیاوری؟ [jānam nemitavāni yek gilās konyāk barāye man biyāvāri] (А. Голкар);

3) высказывания с сослагательным наклонением:

– И пожил бы у нас, дедушка, – сказала Вера (Куприн. А. И.) – پس کاشکی پیش ما – [pas kāški piše mā bemānid bābābozorg] (Х. Аташбараб).

Директивами являются требование, приказ, команда, указание, инструкция и др. В своей работе как директивы мы рассматривали только речевые акты требований и приказов, не ставя перед собой цель их классификации.

Директивы в русском языке и культуре выражаются прямо и императивно [Ларина 2009]. Как требования, так и приказы обязывают адресата что-либо сделать на основании более высокого статуса или сильной позиции адресанта. Вместе с тем требования считаются менее категоричными, чем приказы.

Стандартная грамматическая форма директивов – это 2 лицо единственное или множественное число повелительного наклонения:

Внутри у меня все окаменело, но выговорил я ясно: – **Стерилизуйте немедленно нож, ножницы, крючки, зонд!** (Булгаков М.А.) – بدون معطلی، چاقو، قیچی، [bedune moattali čāqu qeyči gire va sond rā zeddeofuni konid] (А. Голкар).

Директивные речевые акты (требования, приказы) могут быть отнесены к 3 лицу единственного и множественного числа. В русском языке такое побуждение выражается сочетанием частицы *пусть* или *пускай*, устар. *да* с формой 3 лица единственного и множественного числа изъявительного наклонения; в персидском – сочетанием частиц بگذار [bogzār], بگذارید [bogzārid]; اجازه بده [ejāze bede], اجازه بدهید [ejāze bedahid] < *пусть, пускай* с аористом:

Пусть идет в свой дом (Андреев Л.Н.) – بهتر است به خانه خودش برود [behtarr ast be xāneye xodaš beravad] (А. Голкар).

Директивный речевой акт может выражаться транспозитивными формами прошедшего времени некоторых глаголов (*начать, кончить, пойти, поехать, полететь* и нек. др.). При этом в русском языке категориальные значения

изъявительного наклонения и прошедшего времени сохраняются, поскольку они представляют действие образно: так, как будто оно уже прошло [Русская грамматика 2005]. Использование формы прошедшего времени изъявительного наклонения в этой ситуации усиливает категоричность побуждения:

Полицеймейстер. Пошел вон, сукин сын (Булгаков М.А.) – گم شو بیرون، توله سگ! [gom šo birun tule sag] (А. Голкар).

В данном случае в персидском переводе вместо глагольной формы изъявительного наклонения используется повелительная форма глагола.

Приведенный пример свидетельствует о том, что директивные речевые акты могут усиливаться различными коммуникативными приемами (в частности, негативной оценкой адресата – инвективой, проклятием), делающими невозможным неисполнение требований или приказов. Это яркий пример речевой агрессии.

В русском языке требования и приказы выражаются также инфинитивными конструкциями:

–Убрать эту пакость с шеи (Булгаков М.А.) – آن کثافت را هم از گردنتان باز کنید [ān kesāfat rā ham az gardanetān bāz konid] (А. Голкар).

В приводимом выше персидском переводе инфинитив замещается глагольной формой повелительного наклонения.

Директивные речевые акты нередко выражаются неполными предложениями, относимыми в лингвистической литературе к синтаксическому средству выражения побуждения:

Коньяку господину инженеру! (Андреев Л.Н.) – کنیاک برای آقای مهندس! [konyāk barāye āqāye mohandes] (А. Голкар).

В третьей главе «Национально-культурные особенности побудительных речевых актов в русском и персидском языках» акцент делается на культурно-языковой специфике речевых актов побуждений в том и другом языке.

А.Вежбицкая, отмечая важные семантические особенности, образующие смысловой универсум русского языка, выделяет, в частности, такие признаки, как неагентивность, демонстрирующую смирение и покорность, недостаточное выделение индивида как автономного агента, и эмоциональность, проявляющуюся в свободном изъятии чувств, высоком эмоциональном накале русской речи и богатстве языковых средств для выражения эмоций [Вежбицкая 2011]. Отмеченные семантические особенности отчетливо проявляются на фоне сопоставления речевых актов побуждений в русском языке с их персидскими эквивалентами.

Вопрос агентивности / неагентивности связан с синтаксическими типологиями языков, которые показывают, что существуют два подхода к жизни: одни люди придерживаются агентивной ориентации, подходя к жизни с позиций того 'что делаю я'; другие – пациентивной, подходя к жизни с позиций того 'что случится со мной'. Неагентивность (пациентивность) в более расширенном понимании предполагает то,

что людям неподвластна их собственная жизнь и что их способность контролировать жизненные события ограничена [Вежбицкая 2011].

Пациентивный подход, будучи проявлением феноменологической ориентации, делает акцент на бессилии человека ('я ничего не могу (с) делать', 'разные вещи случаются со мной') [Вежбицкая 2011].

Неагентивность демонстрируется на материале конструкций русского синтаксиса, в частности волюнтивных инфинитивных предложений со значением обязанности типа «*Завтракать, барин<...>* (Толстой)» [Вежбицкая 2011].

Волюнтивные инфинитивные предложения синонимичны императивным конструкциям, организованным формой повелительного наклонения; однако в отличие от последних выражают «крайнюю жесткость на шкале степеней волеизъявления». По мнению ученых, «крайняя жесткость» выражения волеизъявления проявляется в том, что любой из способов волеизъявления (*Молчи! Помолчи! Умолкни! Замолкни! Замолчи*) сочетается с вежливым словом *пожалуйста*; в то время как инфинитивная конструкция (*Молчать!*) с ним не сочетается [Золотова 1998].

В персидских переводах вместо волюнтивного инфинитива используется спрягаемая глагольная форма.

С опорой на В.С.Храковского и А.П. Володина [Храковский, Володин 1986] отметим некоторые случаи функционирования инфинитивных императивных конструкций в русском языке. Так, в русском языке возможны следующие случаи использования волюнтивного инфинитива:

1. Инфинитив вместо формы 2 лица единственного числа:

– Выкинуть их вон! (= выкини, 2 л. ед.ч.) (Булгаков М.А.) – بندازشون بیرون! [bendāzešun birun] (П.Мотамед).

В персидском переводе вместо слова *выкинуть* употреблена форма глагола повелительного наклонения 2 лица единственного числа بندازشون! [bendāzešun] < *выкинь*.

2. Инфинитив вместо формы 2 лица множественного числа:

Председатель (*свирепо оскалив зубы*). Молчать! Тихо (= молчите, 2 л. мн.ч.) (Андреев Л.Н.).

В персидском переводе вместо слова *молчать* используется форма глагола повелительного наклонения 2 лица множественного числа ساکت شوید! ساکت [sāket šavid! sāket] < *молчите* (А. Голкар).

3. Инфинитив вместо формы 1 лица множественного числа совместного действия:

Все растерянно переглядываются, бессильные что-либо придумать.

Отдельные вскрики:

– <...> бить их на улицах! (Андреев Л.Н.) – در خیابانها کتکشان بزнім [dar xiyābānhā kotakešān bezanim] (А. Голкар).

В персидском переводе вместо слова *бить* имеет место форма глагола совместного действия 1 лица множественного числа аориста کتکشان بزнім [kotakešān bezanim] < бьем.

Речевые акты побуждений в русском языке демонстрируют такую национально-культурную особенность русского языка, как эмоциональность. Согласно исследованиям русского национального характера, как пишет А.Вежбицкая, русские являются людьми экспрессивными и эмоционально живыми, отличающимися общей экспансивностью, легкостью в выражении чувств и импульсивностью [Вежбицкая 2011].

К средствам выражения эмоциональности в русском языке относятся побудительные речевые акты, которые включают эмоционально окрашенные номинации-обращения и субъективно-модальные частицы. Персидские переводы также могут содержать эти средства, однако эмоциональность русских текстов в большей степени передается в них за счет конситуации.

О способности номинаций-обращений выражать оценочные и эмоциональные значения пишут многие ученые (см., например [Арутюнова 1999]). В русском языке эмоциональность номинаций-обращений может выражаться за счет уменьшительно-ласкательных суффиксов. Среди таких обращений большое место занимают личные имена (*Сереженька, Катенька*). В персидском языке диминутивы личных имен не используются, однако в переводах передаются буквально:

Посиди, Сереженька, – попросила мать (Андреев Л.Н.) – مادر از او خواهش کرد: قدری بنشین، سیریوژینکا. [mādar az u xāheš kard: qadri benšin, siriyožinkā] (Х.Аташбараб).

Возможны ласкательные диминутивы имен нарицательных типа *сыночек, собачка*; для персидского языка они не характерны, поэтому в текстах переводов они могут заменяться сочетаниями существительных с уменьшительными прилагательными, как в приводимом ниже примере:

Возьми меня, лошадка, с собой (Андреев Л.Н.) – من را هم با خودت ببر اسب کوچولو – [man rā ham bā xodat bebar asbe kučulu] (А. Голкар).

На персидский язык обращение *лошадка* здесь переводится как اسب کوچولو [asbekučulu] < *маленькая лошадь*.

В русском языке используются и номинации-обращения, эмоциональность которых выражается самим их лексическим значением (*голубчик, дорогой, милый*).

Персидский язык также имеет эмоционально окрашенные номинации-обращения. Согласно словарю Г.А.Восканяна русские оценочные прилагательные имеют эквиваленты в персидском языке: *дорогой* گرانقدر [gerānqadr], گرامی [gerāmi]; *милый* مهربان [mehrbān], نازنین [nāzanin], *милый мой* عزیزم [azizam], جانم [jānam]; *любимый* عزیز [aziz], محبوب [mahbub].

Однако не все эмоционально окрашенные номинации-обращения русского языка имеют точные эквиваленты в персидском языке, что вызывает трудности перевода. Одним из таких слов является обращение *голубчик*, которое на персидский язык может, например, переводиться и как *милый мой*, и как *маленький мальчик*, и как *любимый голубь*. Приведем примеры:

Посмотри, посмотри, голубчик, – думала она про Головина (Андреев Л.Н.) – عزیز دلم [negāh negāh āxez azize delam] (А. Голкар).

В этом примере слово *голубчик* переводится как: عزیز دلم [azize delam] < *милый мой*.

<...> ложись спать, миленький, голубчик, Панкрат (Булгаков М.А.) – پانکرات عزیز... پسر خوبم، برو بخواب [pānkrāte aziz pesare xubam boro bexāb] (П. Мотамед).

А в этом примере слово *голубчик* переводится как: پسر خوبم [pesare xubam] < *маленький мой мальчик*.

Мать пресвятая владычица, Николай Угодник, лебедики мои, голубчики, помогите мне, благодетели (Н.С.Лесков) – ای مادر اقدس و توانگر! ای نیکالای قدیس! ای قوهای! ای مادر اقدس و توانگر! عزیز من! ای قمری های محبوب من! ای ولی نعمت های من! مرا یاری دهید! [ey mādare aqdas va tavāngar! ey nikolāye qeddis! ey quhāye azize man! ey qomrihāye mahbube man! ey vali nemathāye man! marā yāri dahid] (Х.Аташбараб).

В приведенном примере словоформа *голубчики* переводится сочетанием قمری های محبوب من [qomrihāye mahbube man] < *любимые мои голуби*, а словоформа *лебедики* – сочетанием قوهای عزیز من [quhāye azize man] < *милые мои лебеди*.

Средством выражения эмоциональности являются и субъективно-модальные частицы. Русская грамматика 2005 года к сфере выражения непосредственных эмоциональных реакций относит субъективно-модальные значения ряда частиц, среди которых в побудительных речевых актах особенно активны *-ка, же, ну*.

Функционирование данных частиц, описанное рядом ученых (см., например [Аксаков 1875; Якобсон 1972; Храковский, Володин 1986; Борисова 1988]), показало, что субъективно-модальные частицы имеет несколько употреблений, в каждом из которых они реализует частное лексическое значение.

Персидский язык также располагает арсеналом субъективно-модальных частиц. В «Грамматике современного персидского языка» Ю.А.Рубинчик называет, например, и усилительные частицы: آخر [āxer], دیگر [digar], که [ke] ‘же’, ‘ведь’, ده! [de!] (вариант deh!) ‘ну!’, ‘ну-ка’, ‘давай-ка!’, خوب [xub] ‘ну’, [hā] ‘ну’, حتی [hattā] ‘даже’, هم [ham] ‘даже’, ‘же’, بلکه [balke] ‘даже’ [Рубинчик 2001].

Из этого описания следует, что частица *же* имеет в числе прочих эквивалент دیگر [digar], а частица *ну* – эквивалент خوب [xob].

При этом в персидско-русском словаре Ю.А.Рубинчик пишет, что в качестве эквивалента усилительной частицы *ну* может употребляться слово دیگر [digar].

Этот ученый обращает внимание и на то, что частицы, употребляясь с повелительной формой глагола, могут сочетаться друг с другом: ده، برو ده! De, berow de! Ну, иди же!; ده، بخواب ديگه! De, bexāb dige! Ну, спи же!; ده، زود باش ديگه! De, zud bāš dige! Ну, поспешивайся же! [Рубинчик 2001].

Что касается семантики частиц, то, по мнению Ю.А.Рубинчика, они не вносят нового значения в речь, а только усиливают то значение, которое заключено в слове [Рубинчик 2001].

Частица *-ка* особенно трудно поддается описанию, хотя в русско-персидском словаре А.В.Восканяна и приводится эквивалент *-ка* بېينم [bebinam].

В нашем материале имеются случаи перевода частицы *же* наречием پس [pas] < тогда, а частицы *ну* словом ديگر [digar] и междометием هي [hey].

Полагаем, что персидские эквиваленты русских частиц являются неполными потому, что, во-первых, на персидский язык частицы *-ка*, *ну*, *же* в силу специфики их частных лексических значений не всегда переводятся (90% составляют случаи отсутствия перевода частицы *-ка*, 50% – случаи отсутствия перевода частицы *же*); во-вторых, эти частицы могут переводиться разными словами: например, частица *-ка* – словами ديگر [digar] и بېينم [bebinam], частица *же* – словами پس [pas] и خوب [xob].

Семантика употребляющихся в речевых актах побуждений субъективно-модальных частиц *-ка*, *ну*, *же* осложняет иллокутивную функцию речевого акта частными лексическими значениями, что приводит к неполному соответствию содержания побудительных речевых актов с данными частицами в текстах оригинала и перевода. Например, по наблюдениям В.С.Храковского и А.П. Володина, частица *-ка* является показателем неформального равенства между партнерами коммуникации, которое прокламирует адресант и которого в действительности может и не быть [Храковский, Володин 1986].

На индивидуальные лексические значения частицы *-ка* указывали К.С. Аксаков и Р.О. Якобсон. С опорой на мнение этих ученых будем считать, что окрашенная значением фамильярности частица *-ка* в речевых актах побуждений может выражать:

а) предупреждение о последующих действиях:

Постойте-ка. Давайте я вам представлю господ офицеров (Куприн. А.И.) – راستی، صبر کنید [rāsti, sabr konid] (Х. Аташбараб);

б) увещевание (под увещеванием понимаются и случаи, когда говорящий намерен изменить мнение адресата, чтобы склонить его к принятию предлагаемого совета, способствующего выходу из какой-либо затруднительной ситуации и т.п.):

Анна Петровна. **Послушай-ка, Машенька,** Платон Маркыч какое нам одолжение делает: нашел человека, который хочет взяться за наше дело. Говорит, что очень хороший человек (Островский А.Н.) – ماشنکا، گوش کن! [māšenkā guš kon] (А. Эззати);

в) обращение к кому-либо, имеющую какую-либо цель, нередко указанную в том же высказывании:

Возьми-ка, Маша, бумажку, да посчитай мне деньги-то, сделай милость (Островский А.Н.) – ماشا کاغذ رو بگیر، لطف کن پولها رو برام بشمر [māšā kāqaz ro begir, lotf kon pulhāro barām bešmor] (А. Эззати).

В приведенных примерах частица *-ка* на персидский язык не переводится.

Употребление частицы *ну* в речевых актах побуждений исследовала Е.Г. Борисова, которая, полагает, что общее значение *ну* таково «'до определенного момента не Р, после этого момента Р'», что она и иллюстрирует примером, где выражается значение «неохотности» говорящего, которое он выражает, соглашаясь на какое-то действие: «Ты пойдешь со мной? – Ну пойду, ладно» [Борисова 1988].

По мнению Е.Г.Борисовой, частица *ну* с глаголами в императиве имеет ряд значений, среди которых: 1) настоятельное требование немедленного действия и 2) просьба-мольба. Эти значения представлены и в нашем материале:

1) Анна Петровна. Ну, говори ты, Панкратьевна! (Островский А. Н.) – خب، اول [xob, avval to begu pānkrātyevnā] (А. Эззати).

В этом случае частица *ну* на персидском языке переводится как частица خوب[xob];

2) – Ну, тетя, тетя, просыпайся (Булгаков М.А.).

В этом примере частица *ну* переводится на персидский язык как междометие هی[hey] بیدار شو، خانم، خانم، هی [hey, xānum, xānum jān, bidāršo] (А.Голкар).

Значение частицы *же* описали В.С.Храковский и А.П.Володин, Условившись, что семантика императивной формы описывается как Д (исполнитель) должен выполнить Р (действие, называемое императивом, произносимым А (говорящим-каузатором) при обращении к В (слушающему), В.С.Храковский и А.П.Володин определяют вносимое частицей *же* дополнение в это толкование: «А напоминает В, что он (=А) ожидает выполнения Р».

Эти ученые подчеркивают, что употребление частицы *же* в императивных высказываниях возможно при следующих условиях:

1) ситуация, при которой возникает прецедент ожидания Р, должна возникнуть до момента речи;

2) ситуация, когда, по мнению А, Д знает, что он должен выполнить Р[Храковский, Володин 1986].

Действительно, частица *же* всегда напоминает о названном ранее действии, осложняя иллюкутивную силу речевого акта значением напоминания:

Скажите... да, да... Говорите же! (Островский А. Н.) – بگین... آره، آره... بگین خب! [begin... āre, āre... begin xob] (А. Эззати).

В приведенном примере частица *же* переводится как слово خوب [xob].

В **Заключении** диссертации отражены и обобщены основные результаты исследования, показано сходство и различие речевых актов побуждений в русском и персидском языках.

Сходство наблюдается в отношении вежливости дистанцирования: в русском языке и культуре имеет место импозитивное коммуникативное поведение, выражающееся в широком употреблении прямых речевых актов побуждений, сохраняющихся и в текстах персидских переводов. Стандартной грамматической формой побудительных речевых актов в русском и персидском языках является форма 2 лица единственного и множественного числа повелительного наклонения. Для выражения побуждения активно используются и другие морфологические, а также лексические и синтаксические средства. В персидском языке это, прежде всего, формы аориста (настояще-будущего времени сослагательного наклонения).

Выявляются и национально-культурные особенности выражения побудительных речевых актов в русском языке (обнаруживаемые в сопоставлении с персидским). Эти особенности касаются характерных для русского языка случаев неагентивности и средств выражения эмоциональности, влекущих за собой использование в русском языке (в отличие от персидского) волонтивного инфинитива, а также номинаций-обращений с ласкательно-уменьшительными суффиксами и речевых актов побуждений, иллокутивная функция которых модифицируется свойственными субъективно-модальным частицам семантическими нюансами.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

*Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах,
рекомендованных ВАК РФ:*

1. Зиаи Ф. Р. Побуждения в русском и персидском языках: лингвокультурологический аспект / Ф. Р. Зиаи // Ученые записки КФУ. Т.155. – Казань, 2013. – С. 115-120.
2. Зиаи Ф. Р. Речевой акт *Просьба* в русских художественных диалогах XX века в переводах на персидский язык / Ф. Р. Зиаи // Филология и культура. Казань, 2013. – Т. 4(34). – С. 105-109.
3. Чернышева А.Ю., Зиаи Ф. Р. Императивные конструкции с модальными частицами в переводах русских текстов XX века на персидский язык / Ф.Р. Зиаи // Филология и культура. Казань, 2014. – Т. 2(36). – С. 62-67.

Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

1. Зиаи Ф. Р. Директивные речевые акты в русских художественных текстах XX века в переводах на персидский язык / Ф. Р. Зиаи // Русская и сопоставительная паремиология в Татарстане: истоки развития: Материалы Международной научно-практической конференции (Казань, 17-19 октября 2013 г.) / Казан.ун.; институт филологии и искусств; Каф. рус. яз. и метод. преп.; под общей редакцией Н.Н.Фаттаховой. – Казань: Изд-во «Печать – Сервиз XXI век», 2013. – С. 208-211.
2. Зиаи Ф. Р. Императивные инфинитивные конструкции в переводах русских текстов XX века на персидский язык / Ф. Р. Зиаи // Региональная научно-практическая конференция, посвященной Дню славянской письменности и культуры «Русский язык и славянский мир». – Казань: Отечество, 2014. – С. 109-113.
3. Зиаи Ф. Р. Прагматика побудительных высказываний в межкультурном аспекте / Ф.Р.Зиаи // Русский язык: лингвокультурный и функционально-дискурсивный аспекты. Казань, 2014. – С. 45-50.
4. Зиаи Ф. Р. Императивные конструкции в переводах русских текстов XX века на персидский язык / Ф. Р. Зиаи // XIX Международная конференция посвященная проблемам общественных и гуманитарных наук: Международная научно-практическая конференция (Москва, 30.04.2014г.). – Москва, 2014. – С. 132-134.